

Petersburg Letter. Muzika. 1913, December 714 no. 160, pp. 862-863.

Петербургские письма XIV. Музыка. 1913. 14 декабря, № 160. С. 862-863.

Quoted in Val'kova, S. V. Rachmaninoff: Chronicle of Life and Works, vol. 2, p. 491

In the very name of Debussy, with its gentle whistle, reminiscent of the piercing cries of guards, heard from afar, softened by distance, swiftly piercing the quiet air before sunset, one senses a kind of predestination...

[...]

However, as far as we personally are concerned, we allow ourselves not to share the general attitude towards Debussy and do not refuse the pleasure of hearing something new even in his latest works, as, for example, in the above-mentioned "Jeux," where we discerned not only Debussy's usual wit, elegance, virtuoso subtlety of presentation, marvellous orchestral colouring, aptness of characterization, delightful thematic elements, sparkling vitality of the general mood, but also no small number of unusually fresh and delightfully unfamiliar harmonic comparisons. [...]

But enough for now; let's move from admiration to disappointment. The subject of the latter turned out to be Rachmaninoff. We were able to hear both his new Piano Sonata and the cantata "The Bells." We essentially liked the sonata; it interested us with its rebelliously austere character, the good themes of the first movement, the harmonies (second movement) quite unusual for Rachmaninoff, the astonishing richness of the technical finish, and the nobility of the overall tone. If there was anything we didn't like, it was a certain motley of the presentation, verging on dishevelledness in the finale, the excessive constructive cliché, the pallor of the middle movement, and the overuse of specifically virtuoso writing techniques, sometimes poorly justified by the circumstances of the moment; in any case, the 2nd Sonata is a major and valuable work. "The Bells," it's true, are even greater in technical quality, and perhaps even more valuable, but in their inner qualities they left us deeply disappointed. As for Poe (though his spirit had already been diluted by half in K. Balmont's lightweight translation), the mood of individual passages fails to align with the atmosphere of even Balmont's text; the themes lack distinctive character, and outright banalities abound (the main theme of the first movement, much of the second, and even the third, despite its frenetic pace). Above all, throughout the work—regardless of its apparent sincerity (or rather, its feverish agitation)—one senses a formal, purely superficial, and often banal approach to the content; beneath the frenzied technical embellishment lies an inner emptiness, revealed primarily in the work's utter thematic blandness and the lack of expressiveness in the vocal solos (even if they are not devoid of a certain superficial beauty). But in terms of harmonic, instrumental, figurative decoration, this is just some kind of kaleidoscope in Rachmaninoff, quite unexpected; but is this not an attempt to hide the fragility of the internal content behind external brilliance?

It pains us to write about the impression made by "The Bells," but since we've brought it up, we couldn't express it any other way, even though we know that, as ardent supporters of this composer's work, our negative review gives his opponents extra ammunition. But then, what does Rachmaninoff care about opponents, supporters, and the like? He is such a figure that he will take his place in history without even asking anyone's permission.

But there's something peculiar about Rachmaninoff's fate. It somehow happens that other composers, especially those belonging to a particular "camp," are judged by their best works,

while the unsuccessful ones are studiously ignored. Rachmaninoff (like Tchaikovsky, to a certain extent) is judged by his unsuccessful, but especially frequently performed, works, while his successful ones are seemingly forgotten entirely. And yet, his successful works are of such significant value that they entitle him to stand at the very forefront of not only Russian musicians.

For us personally, for example, the first movement of the 2nd Symphony, even less the introduction to it, is enough to cover most of Rachmaninoff's sins. Rachmaninoff's misfortune is that he is always spontaneous, whether he gives something valuable or more ordinary; therefore, naturally, all its banalities soon become "favourite" and you don't know where to escape from them.

More reserved, reflective natures, like Korsakov, Balakirev, Glazunov, wrote their weak works, probably with a cold heart, and therefore no one touches them, they aren't performed, they don't cause anyone any grief, and therefore they don't count; and aren't there plenty of banalities among the aforementioned masters? We apologize for the digression; in essence, there's no need to defend Rachmaninoff. Why we only had to mention it above is a matter of context. Misanthrope [N. Ya. Myaskovsky].

[Translation: Google]

В самом имени Дебюсси, с его нежным свистом, напоминающим издали доносящиеся, смягченные расстоянием сверлящие крики стражей, стремительно пронзающих предзакатно затихший воздух, чувствуется словно какое-то предначертание...

<...>

Впрочем, что касается нас лично, то мы позволяем себе всеобщего отношения к Дебюсси не разделять и не отказываемся от удовольствия слышать новое даже в его последних произведениях, как, например, и в вышеупомянутых «Jeux», где мы усмотрели не только обычные у Дебюсси остроумие, изящество, виртуозную тонкость изложения, дивный оркестровый колорит, меткость характеристики, прелестные тематические элементы, искрящуюся жизненность общего настроения, но и не малое количество необычайно свежих и восхитительно незнакомых гармонических сопоставлений. <...>

Но пока довольно, от восхищений перейдем к разочарованиям. Предметом последних оказался Рахманинов. Нам удалось прослушать и его новую Фортепианную сонату и кантату «Колокола». Соната нам, в сущности, понравилась; она заинтересовала нас и своим мятежно-суровым характером, и хорошими темами 1-й части, и весьма необычными для Рахманинова гармониями (2-я часть), и изумительным богатством технической отделки, и благородством общего тона. Если же что нам не понравилось, так это некоторая пестрота изложения, в финале доходящая до всклокоченности, излишний конструктивный трафарет, бледноватость средней части и злоупотребление специфически виртуозными приемами письма, порой мало оправдываемыми обстоятельствами момента; во всяком случае, 2-я соната произведение крупное и ценное. «Колокола», правда, еще крупнее по техническим качествам, быть может и ценнее, но по своим внутренним свойствам они нас глубоко разочаровали. Во-первых, в них вовсе не уловлен гнетуще-кошмарный дух Э. По (впрочем, он наполовину выветрился уже в легковесном переводе К. Бальмонта), далее настроение отдельных

моментов совершенно не совпадает с настроением даже Бальмонтского текста, темы почти не имеют характера, попадают явные банальности (главная тема 1-й части, многое во 2-й и даже в 3-й, несмотря на ее дикую стремительность), но в особенности во всем произведении, независимо от его кажущейся искренности (скорей, впрочем, взвинченности), чувствуется какой-то формальный, чисто внешний, нередко банальный подход к содержанию, а за безумной технической оснащённостью ощущается внутренняя пустота, которая и обнаруживается главным образом в совершенной тематической бесцветности вещи и весьма [малой] выразительности вокальных соло (хотя и не лишенных временами внешней красоты). Зато в отношении гармонического, инструментального, фигурационного убора это прямо какой-то калейдоскоп в Рахманинове весьма неожиданный; но не является ли это попыткой за внешним блеском скрыть маловесность внутреннего содержания? Нам больно писать о впечатлении, произведенном «Колоколами», но раз мы о них заговорили иначе высказаться не могли, хотя знаем, что, будучи в числе рьяных сторонников творчества этого композитора, даем своим отрицательным отзывом лишнее оружие в руки его противников. Но, впрочем, какое дело Рахманинову до каких бы то ни было противников, сторонников и т. п. Он величина такого калибра, что займет свое место в истории, едва ли спрашивая у кого бы то ни было позволения. Но в судьбе Рахманинова есть все же кое-что замысловатое. Как-то случается, что других композиторов, особенно если они принадлежат к какому-нибудь «лагерю», судят по их лучшим сочинениям, старатель-но замалчивая все неудачное, Рахманинова же (как частью и Чайковского) — непременно по неудачным, но особенно часто исполняемым, а об удачном как будто вовсе забывают, а такое удачное у него столь значительной ценности, что дает ему право стоять в самых первых рядах не только русских музыкантов.

Лично нам, например, вполне достаточно одной 1-й части 2-й симфонии, даже того менее вступления к ней, чтобы покрыть большинство Рахманиновских грехов.

Несчастье Рахманинова в том, что он всегда непосредствен, дает ли что ценное или более обыкновенное; потому, естественно, все его банальности скоро становятся «излюбленными» и от них не знаешь, куда спастись.

Натуры более сдержанные, рефлексивные, как Корсаков, Балакирев, Глазунов, писали свои слабые вещи, вероятно, с холодным сердцем, и потому никого они не трогают, их не исполняют, огорчения они никому не причиняют и в счет потому не идут; а мало ли у упомянутых мастеров банальностей? Извиняемся за отступление, в сущности никакой нет нужды защищать Рахманинова. Почему только к слову пришлось. мы сказали выше, это уж.